

АЛЕКСАНДР КОРМАШОВ

МОРЕНА

Александр Кормашов

Морена

«Издательские решения»

Кормашов А.

Морена / А. Кормашов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967069-4

Когда-то считалось, что Земля плоская, как блин, затем оказалось, что она круглая, как колобок, а сегодня ученые полагают, что на самом деле она имеет форму бублика. И на этой Земле человеческое прошлое легко пересекается с настоящим, современность — с эпохой мамонтов.

ISBN 978-5-44-967069-4

© Кормашов А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Морена

Александр Кормашов

© Александр Кормашов, 2019

ISBN 978-5-4496-7069-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Ну, чего смотрите? Я ведь не утверждаю, я просто говорю, что она не шар. Вы думаете, я буду доказывать? Да не буду. Считайте, что мне лень. Обиделись, я смотрю. А зря. Думаете, я сомневаюсь в ваших мозгах? Да ничуть. Уж если что меня и волнует, так это ваше неверие. Вы вот не верите, что Земля имеет форму тора. Вы думаете, что я ошибаюсь. Вы верите другим людям, которые говорят, что Земля – это шар. Ну верьте. Когда-то ведь люди верили, что Земля плоская. Как блин. А потом стали верить, что она круглая. Не блин уже, значит, колобок. А я говорю, и не колобок. Земля – тор. Бублик, баранка, пончик. Чего это вы облизываетесь? Я понимаю, вам хочется меня опровергнуть, только не надо этого делать. Опровергать можно утверждение, а я ведь не утверждаю. Я просто говорю, а вам большего и не надо. Хватит с вас и того, что с вами разговаривают. Подземный город Агарты, скрытая страна Беловодье, иной мир кельтов, их полые холмы, Валхалла, Тартар, Аид... Да что с вами говорить. Ни фиги-то вы не понимаете. Хотя ведь это всё объясняет. Всю эту хтонь. Ну ладно. Идите. Ну всё. Ну, идите. Идите, кому сказал! Ну!

Две собаки, старая и молодая, наконец, встали и уныло поплелись к дому. Поднимаясь тропинкой по кособоку, они несколько раз замирали, разворачивались и, робко взмахнув хвостами, вглядывались в тёмную спину хозяина. Но тот оставался неподвижен. И всё вокруг соглашалось с этой неподвижностью: опушка ближнего леса, его немая зубчатая стена, косая изгородь огорода, подтопленного рекой, мокрая покосившаяся банька и наполовину уплывшая по течению поленница дров, сама река в половодье, разлив закатного света... Деревня в несколько тёмных изб замерла тоже. Но ей хотя бы это было привычно. Оставленная, безлюдная, она и так всю зиму спала. Весь шум, всю суету и движение за неё производил ветродвигатель, старый разболтанный ветряк, поднятый на железную треногу, внутри которой был смонтирован заодно и водонапорный бак. Эти ветряк и бак существовали в техническом симбиозе и братски делили нагребённый бульдозером холм, уже поросший ольхой. Сейчас обе лопасти ветряка были неподвижны, и верхняя, словно стрелка компаса, указывала на первую звезду, проткнувшую лиловую мембрану востока.

Собаки не любили это время бездыханности ветра, когда мир запахов стягивался вокруг одним неподвижным коконом. От этого собакам становилось тревожно, хотя они давно уж привыкли и к сладкой прели согретой земли, и к мозглым выдохам медленно отходящего от зимы леса, будто зевающего со сна своей пастью, ещё смрадной, с ещё не проглоченной слюной, но половодье постоянно приносило совсем новые, сторонние запахи, какого-то нежилого подземного мира, от которого дыбом вставала шерсть. Собакам так же не нравились и эти разговоры хозяина, и то, как он остаётся сидеть на бревнышке там – на кромке медленного течения; не нравилась и сама река, которой бы полагалось лежать далеко внизу, быть тихой и сонной, запутавшейся в волосах тины, а лучше всего покрытой снегом и льдом, запечатанной наглухо.

Собаки тихо поскуливали, пока одна не решилась гавкнуть. Гуф! Испугавшись сами себя, обе пулей рванули к дому, взбежали на крыльцо и легли рядышком на доски, прижав морды к полу, не шевелясь. Но вскоре застучали хвостами, услышав на тропинке шаги. Однако вскочили и запрыгали не ранее той секунды, когда хозяин ступил на нижнюю ступеньку.

– Тихо, Пальма. Тузик, тихо, сказал!

Не слыша в голосе строгости, собаки прорвались в избу, и пока человек раздевался и снимал сапоги, успели пробежаться под столом, подобрать крошки, слетали на кухню, погоняли по полу сковородку с пригоревшим блином, вылизали кастрюлю с остатками затвердевшего бараньего жира, а Тузик спёр батончик глазурованного сырка и быстро его сжевал, давясь скрипучей обёрткой. Человек сел за стол и вылил в кружку остатки вина из бутылки.

– Ну что, Пальма. С Днём космонавтики! – сказал он, когда Пальма положила голову ему на колено. И чокнулся с чёрным собачьим носом. – Не лижись.

Утром он долго искал на печи вторую портянку. Та нашлась в рукаве фуфайки. Обе оказались одинаково заскорузлые. Твёрдыми, неласковыми были и подсохшие сапоги.

На улице дул ветер, по небу неслись случайные облака, не летние, не белые, не тугие – размазанные клочки мокрой ваты, но ярко светило солнце, и солнечные батареи, слабо и криво держась на шиферной крыше, отчётливо погромыхивали. После двух недель затяжного, хоть и тёплого западного циклона это был второй ясный день.

Всё утро он провёл в хлеву той избы, что ближе всего находилась к водонапорному баку и ветряку. Хлев назывался «аккумуляторной». Настежь распахнув дверь и выставив из маленького оконца стекло, чтобы ветер выносил запах электролита, он проверял каждую батарею, измерял напряжение, добавлял, если надо, дистиллированной воды. Несколько батарей показались отжившими своё, они всю зиму плохо принимали зарядку, но он не торопился их списывать. Вытащил за порог и промыл, вытряхивая чёрную жижу. Потом залил аммиачным раствором, оставил на час и снова промыл. Эта процедура забрала весь запас дистиллированной воды, и он выкатил на огород бочку-печку, внизу которой развел огонь, а сверху опустил котёл самогонного аппарата; потом начал расправлять шланг холодной воды – для обмыва змеевика.

Так, этап за этапом, он добрался до водонапорного бака, порадовался, как весело хлопают наверху лопасти ветряка, снял запирающий скважину оголовок и опустил в трубу нанос. Вода побежала бойко, благо что даже летом стояла неглубоко (скважина точно угодила в водоносную жилу, бьющую под берегом родником).

Он выключил насос, когда бак заполнился примерно на четверть. Время шло к обеду, но ему хотелось ещё успеть промыть бак, чтобы уйти, оставив воду стекать. Он снова открыл сливной кран, бывший всю зиму открытым, и бурая жидкость бойким ручьём понеслась по насыпи вниз, к реке. Не мешкая, он вскарабкался наверх, взял мерный шест и начал раскручивать, дополнительно мутить внутри бака воду.

Лопасты ветряка равномерно стучали над головой, тренога слегка подрагивала, покачивались растяжки. Тузик и Пальма лениво бродили внизу по земле, по матам прошлогодней, слежавшейся под снегом травы, в которой мыши-полевки аккуратно, как ножницами, прорезали разветвлённую сеть дорог с чёрными провалами нор. Собаки расцарапывали когтями ту или иную нору, совали нос, фыркали. Пальма вскоре утомилась и легла подремать. Её беспородный сын удручённо лягнул зубами на пролетавшую мимо бабочку и, задрав голову, посмотрел на хозяина снизу вверх: не пора ли, в самом деле, обедать?

Вода внутри ещё бурно плескалась, а вот журчанье под баком вдруг стало затихать, и вскоре весь ручей иссяк полностью. Он пошуровал шестом там, где должно было быть сливное отверстие, помутил, повзбалтывал воду, но всё бесполезно. Спрыгнув на землю, он потыкал в кран куском толстой проволоки. Тонкая струйка ржавой, затхло пахнущей жижи толще от этого не стала. Тогда он сходил за газовым ключом и попробовал свернуть весь кран целиком, но тот с годами прикипел намертво.

Стоило бы промывку отложить, сходить и приготовить обед, покормить собак, отдохнуть, но хотелось закончить дело. Шест ему показался слишком хлипким, и он сходил к косой изгороди, вытащил из неё берёзовую жердину, которая казалась понадежнее, и вновь забрался на бак. Воды внутри, судя по мокроте дерева, оставалось не выше сапога. Он скинул фуфайку, установил жердь и скользнул по ней вниз. Ноги сразу стиснуло ледяным холодом. Затхлый канализационный запах резко ударил в нос и пробил до самого желудка. Действовать нужно было быстро. Он закатал рукав рубахи по плечо, сунул руку под воду, нащупал там отверстие слива, расчистил его, и вскоре убедился, что жижа начала потихоньку утекать сквозь занемевшие пальцы. После этого распрямился и дальше уже работал то одной, то другой ногой, отскребая грязь с днища сапогом и стараясь по сильнее взбаламучивать воду.

Он сильно замерз к тому времени, когда вода из бака ушла. Чтобы разогреться, сделал несколько физических упражнений, растёр и разогрел руки, потом взялся за жердь и установил её с некоторым наклоном, чтобы верхний конец не болтался в люке, как в проруби. Всего два рывка, всего два захвата ногами, два подтягивания на руках, и он уже почти уцепился пальцами за острую железную кромку люка, когда от последнего движения нижний конец жердины вдруг сдвинулся с места, плавно поехал, гулким выстрелом треснула гниловатая берёза, переломилась, а он не успел сгруппироваться и упал, ударившись головой о железное дно.

2

Вся эта огромная, самая обширная на планете, никем ещё не измеренная, никем не пройденная за одну жизнь, на юге уныло плоская, лишь к северу вспученная холмами, но всюду изрезанная полноводными реками... вся эта пока безыменная равнина, которая только через много тысячелетий станет именоваться Русской, но никогда Великой Русской равниной, поскольку пришедший сюда народ слишком скоро, одолев горы, перельётся и на другие равнины, ища себе естественные пределы... вся эта равнина, которая уже больше не сменит названия никогда, пока Земля во всем не уподобится Марсу, безжизненному, безводному, с чёрным небом и белой россыпью не мигающих, не подмигивающих человечеству звезд (быть может, только тогда уже другая цивилизация придумает ей и другое название) ... вся эта равнина простиралась перед ним на длину умственного взгляда и расстилалась во всю ширь воображения. Она лежала к югу от его ног.

Он стоял на вершине морены, каменного хребта, длинной и высокой гряды разнородных камней, притащенных сюда ледником, притолканных сюда, принесённых вмороженными в лёд и сброшенными здесь, на последней линии обороны, когда южные ветра окончательно остановили продвижение льдов, а затем погнали их назад и отодвинули далеко на север.

На север он не смотрел. Там, к северу, до самого горизонта уже плескалась вода, одна вода, очень много талой воды, не могущей пробить себе путь к первобытному солёному океану – ни прямо, по руслам перегороженных рек, ни с запада, ни с востока в обход – и слившейся здесь, наконец, в одно сплошное море-озеро. Волны этого моря теперь дённо и ночью бросались на рваную стену отступающего льда, как на выставленные из земли зубы, не молодые, не белоснежные, но жёлтые, с провалами и щербинами и съеденные, словно у старика. Впечатление усиливалось ещё и тем, что сверху ледовый щит был словно присыпан пеплом, но больше слоями пыли, наносимой суховеями с дальних, непрестанно разрушаемых гор. Из-за этого ближние части ледника больше походили на горное плато, местами сырое, болотистое, местами бугристое и просохшее, где вытаявшие россыпи оголённых камней потихоньку покрывались лишайником, а в тонкий слой почвы судорожно вцеплялись зелёные мхи и мелкая жёстколистная травка.

Несколько птичьих стай каждую весну отправлялись к леднику на разведку, но только жёлтоногие олуши облюбовали его неверную сушу для постоянного гнездования. Им, улетающим зимовать так далеко на юг, что там тоже уже начинали встречаться льды, было, в сущности, взмах крыла пронестись над лишним пределом здешнего пресноводного моря, столь богатого жирной рыбой и мягкотелыми раками, кишачими на галечных отмелях, где всё лето истаивали грязно-сизые глыбы льда, нагнанные туда в период штормов. С высоты эти глыбы представлялись цепью мощных каменных валунов, но вода неумолимо подтачивала их снизу, и через какое-то время, постояв в виде перезрелых грибов, валуны вдруг совершали кувырк и навеки пропали в волнах. После этого к северу не различалось уже ничего. Ничего – только мельтешение птиц, целый день заполняющих собой весь клин воздуха между небом и морем.

А морена не спала даже ночью – белой, мглистой, слишком короткой, чтобы птичий базар успевал успокоиться. Птицы занимались здесь каждый более-менее ровный уступ или камень. День и ночь они улетаели и прилетали, толкались, клевались, дрались крыльями и откладывали яйца чуть не на лапах друг у друга. Редко какое-нибудь иное существо отваживалось сунуться в это царство. Грязный летний песок иногда скрытно прокрадывался наверх, но его скоро обнаруживали и набрасывались всей стаей, сбивая с ног ударами крыл и нещадно долбя клювами до тех пор, пока незадачливый герой, загнанный в расщелину или пойманный на узкой тропе, без возможности развернуться или попятиться, не срывался с уступа вниз, и затравленный оскал с его морды не сходил даже после смерти.

Крупные мудроголовые волки временами подходили к гряде, но никогда не обращали внимания на самих птиц. Старшие волк и волчица вспрыгивали на высокий валун и могли сутками сидеть там неподвижно, вглядываясь в равнину, видя в ней только лишь своё – как мягким нежным подшёрстком выстилается по ней густая трава, как жёстким остевым волосом прикрывают траву кустарники и деревья, и как лоснящимися проплешинами стригущего лишая блестят меж них озерца и болотца. Волки знали момент, когда там должно было что-то происходить. И происходило. Вдруг в дальней сырой низине какая-то часть пространства принималась бурно шевелиться, будто сдвинулся с мохового болота и наехал на мокрый луг целый лес древесного сухостоя. Это кочевало, поднимая к небу рога, стадо высокорослых оленей. Приметив это движение, пара старших волков, вожак и волчица, вдруг резко вздрагивали телами, но тут же как будто и успокаивались. Они лениво потягивались, зевали, равнодушно поглядывали по сторонам, смотрели на небо, на птиц и, лишь только вдоволь насладившись своим полным равнодушием, безразличием, прыгивали с камня вниз и вели свою стаю напереиз.

Взрослая матёрая росомаха, быстрая как волк и сильная как медведь, нюхала кожаным носом воздух и тоже направлялась в сторону оленей. Этот самый свирепый хищник равнины даже не пытался скрадывать свое продвижение, он всегда бежал слегка боком и размашисто приминал траву на одну сторону, будто скашивал косой. Его горбатая мохнатая тень тяжело колыхалась над землёй и была заметна издали.

Овцебыки, увидев росомашью пробежку, шумно фыркали и выдвигались всем стадом вперед, оттолкнув назад малышей. Быки мрачно опускали к земле огромные продолговатые головы, с которых двумя каменными потоками плавно стекали вниз и вновь загибались вверх убийственно заострившиеся рога.

Мамонты косились на росомашу мелкими бровастыми глазками. Старые самцы выставляли в её сторону свои длинные, вытянутые вперёд и сведённые остриями бивни, которыми они зимой, словно вилами, поднимали слежавшуюся под снегом траву, собирали её в небольшие копейки и оставляли их для более слабых. Летом этими бивнями самцы сдерживали слишком проказливых малышей, лезущих купаться или спастись от комаров в самую болотную топь. Брели их в костяной обруч. Но мамонтятам это не нравилось. Они охотнее бы нырнули под мать, чтобы в её шерстистой палатке заодно поискать и подёргать ещё нежными розовыми дёснами набухшие молоком сосцы.

Мамонты и овцебыки подходили к каменной гряде каждую весну, но только к тем валунам, которые лежали в стороне, кучно, подобно кладке яиц Большой Небесной Змеи, которая вся целиком показывалась на небе только в середине зимы, в самые морозные и безлунные ночи, когда её длинное белое звёздное тело простиралось от горизонта до горизонта. Мамонты и овцебыки ожесточённо тёрлись о камни своими лохматыми боками, сбрасывая прошлогоднюю шерсть. Гранит глянцево блестел, а содранной шерсти вокруг валялось так много, что ветер собирал её в кипы, а дождь утрамбовывал в грубый войлок.

Сегодня обошлось без дождя.

С вершины каменной гряды, сквозь плотное мелькание птиц, которые, правда, больше кричали, чем нападали на двуногое человеческое существо (не устанавливая прямой связи между его появлением и пропажей нескольких яиц) даль на юг просматривалась до самого горизонта, до призрачных далёких холмов, которые оставались, возможно, ещё от предыдущего ледника. Увидеть эти холмы удавалось нечасто, а только в сильно ветреный день с прояснениями, что было редкое явление летом – всегда пасмурным, дымчатым, с высокой облачной пеленой, под которой ленивыми струями разливалось удушливое тепло, исходящее, казалось, не от мутной светлоты солнца, а от самой земли, накрытой зыбким маревом испарений, сладким духом растительной гнили и тяжёлыми запахами трав.

Ветер сегодня был. И пусть ему не удавалось развеять крепкий дух аммиака, исходящий от птичьего помёта, зато он отдувал от лица комаров, освежал кожу, шевелил косматую бороду и норовил положить на плечо хвост волос, перевязанных оленьей жилкой.

В руке человек держал грубую ивовую корзину, куда положил собранные яйца, крупные, в сизых крапинах, синеватые.

С корзиной на вытянутой руке, отмахиваясь ей от шипящих на гнёздах птиц, он начал спускаться к каменистому пляжу, на который длинными волнами насакивало пресноводное море. Сегодня здесь было тоже свежо и не ощущалось той влажной духоты, которая всегда изнуряла на равнине.

Галечный пляж тянулся плавным изгибом вдоль бухты. Слева его оторачивали заросли поющего ивняка, справа, на другом конце бухты, начиналась узкая галечная коса, переходящая в цепочку низеньких плоских островков с небольшими наносами ила и глинистого песка. Ил и песок были весьма полезным подарком реки, пробившейся чуть подальше через каменную гряду и теперь выносившей в море ещё и много древесного плавника – вырванных с корнем деревьев. Эти коряги валялись повсюду на берегу, и на них каждую весну с угрожающим рёвом насакивали самцы сивучей, негодуя, что привычные места лежищ кем-то заняты. Но потом тюлени всё-таки соглашались потерпеть чужаков или даже принимали их под своё покровительство, с удовольствием почесываясь о них, и тогда коряги судорожно шевелились, взмахивая в воздухе корнями.

Дров на берегу было много.

У шалаша, крытого тюленьими шкурами и больше походившего на палатку, человек нагнулся и поставил корзину на землю. Он умышленно нагнулся пониже, чтобы скрытно оглядеться вокруг, бросить несколько взглядов по сторонам. Потом распрямился и вокруг уже больше не смотрел.

Площадка, на которой стоял шалаш, была относительно ровной и ещё дополнительно выровнена – подсыпана обломками кремня и кварцевой гальки, со следами неудавшихся сколов. Тут же валялись и другие камни, отсортированные по виду и сходству. Особое место также занимали окатыши каменной глины, которые при удаче распадались на почти идеальные многослойные черепки-плоски. В отдельную горку были собраны зеленовато-жёлтые камни, в которых подозревался медный колчедан, и тут же, рядом, лежал небольшой железный метеорит, и формой и величиной напоминающий голову тюленёнка. Тяжёлый и ржавый, этот метеорит был второй по значимости находкой. Первое место занимала расколота глыба обсидиана, мерцающая на сколах своим мутно-фиолетовым цветом. Она была найдена наверху, на гряде, и здесь, куда она скатилась, разбившись, здесь и была оборудована стоянка.

Человек откинул полог палатки, заглянул внутрь. Следов вторжения не заметно. Белый светильник из человеческого черепа, в одну из глазниц которого был вставлен плоский прозрачный отшлифованный камень, примитивная линза, не был ни сорван, ни опрокинут; жидкий топлёный тюлений жир, покрывавший фитиль, ощутимо поплёскивался на дне. Не выпит, не вылакан. Шкура спального не пожёвана.

Человек отошёл от палатки и вновь скрытно огляделся. Он старался не смотреть ни в сторону ивняка, ни в сторону выброшенных на берег коряг – прямой направленный взгляд означает угрозу. Он притворился, что смотрит на горку камней, увенчанную корявым деревянным крестом, и даже сделал в этом направлении шаг, когда заметил, что плоский, с жирной копотью, камень, установленный над кострищем и служивший небольшим противнем, сдвинут в сторону, будто кто-то яростно рылся в золе...

– Валентин Львович! – крикнул он, вставая над очагом. – Валя! Выходи! Полно прятаться. Я видел тебя. – И для пушей убедительности соврал: – Я и сейчас тебя вижу. Иди сюда, будем жарить яичницу.

Никто нигде не откликнулся.

– Ну и чёрт с тобой. Сиди там. Вурдалак хренов.

К сумеркам ветер стих, и волны стали успокаиваться. Настал тот длинный, растянутый час вечерней зари, когда природа словно извинялась за доставленные хлопоты дня, и за её бледной растянутой улыбкой, смыкающей бескровные губы моря и неба, чудился абсолютный предел всякого земного существования.

3

Очнулся он в больнице, очевидно и безусловно живой, лишь под капельницей, из которой по капле стекал в его вену физраствор. В месте прокола, под пластырем, рука очень сильно чесалась. Хотелось почесать и лицо. Ощупав подборок и щёки, он понял, что его капитально побрили, сняли бороду и даже постригли густые кустистые брови. Волос на голове также не было. Всё тело чесалось от чистоты. Наверное, таким голым и чистым он бывал лишь в род-доме.

Чувствуя себя новорождённым, он и говорил не больше новорождённого. На вопросы врачей отвечал односложно «да-нет» и делал так равнодушно, будто проходил проверку на полиграфе. Ему было все равно, сколько раз он будет пойман на лжи. Много разговаривал он только во сне, пугая соседей по палате.

– Ну, ты и болтать, мужик! – упрекали его утром.

– Что?

– Разговариваешь – чо! Говоришь всякое.

Он извинялся, и это его «простите, мужики» оставалось едва ли не самым длинным высказыванием за всё то время, пока он лежал в больнице.

За всё это время его навестили его только два человека: молоденький милиционер, словно стесняющийся погон младшего лейтенанта, на которые он беспрестанно надёргивал просторный белый халат, и Фёдор Копыто, сосед, мужик из ближайшей жилой деревни, которая находилась на другом берегу и вниз по реке.

Фёдор пришёл в больницу как будто только затем, чтобы тяжело, горестно повздыхать. Он качался на стуле и шмыгал носом, ходившим из стороны в сторону, как разболтанная уключина, кряхтел и моргал красными глазами, в каждом из которых уныло плавал чёрный зрак – словно головка вспыхнувшей, но не зажёгшейся спички. Фёдор считал себя жестоко обманутым жизнью и судьбой. А всё из-за того, что когда-то Зварнов сманил у него любимую охотничью собаку – престарелую Пальму. Нет, поначалу хозяин этому даже обрадовался, потому что животину не нужно больше кормить, а пристрелить было жалко. Вот только Пальма, отпущенная на волю, неожиданно забеременела и скоро принесла двух щенков. Из жадности Фёдор сразу забрал себе одного – того, что покрепче. Однако крепыш оказался не жилец, а дохляк Тузик вымахал в здоровенного пса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.